

Кант Иммануил

**Критика практического разума и
основоположение к метафизике
нравов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И53

И53 **Иммануил К.**
Критика практического разума и основоположение к метафизике нравов / Кант Иммануил –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 329 с.

ISBN 978-5-519-88051-0

ISBN 978-5-519-88051-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«я никогда не долженъ поступать иначе, развѣ такъ, чтобы я могъ хотѣть, чтобы моя максима была всеобщимъ закономъ».

Такъ судить всякій, даже самый обыкновенный, человѣческій разумъ. Онъ судить здѣсь, ничего не заимствуя изъ опыта, ибо понятія доброй воли, закона и долга не принадлежатъ къ понятіямъ опыта, даже невозможны при немъ. Опытъ говоритъ здѣсь, напротивъ, совершенно другое. Если мы обратимъ вниманіе на дѣйствія людей, то постоянно встрѣчаемъ сѣтованія и жалобы на то, что одни, увлекаясь склонностями, совершаютъ поступки, совершенно противные долгу, другіе же, хотя и дѣйствуютъ сообразно съ долгомъ, но не изъ чистыхъ основаній, скорѣе изъ тонкаго и деликатнаго самолюбія, чѣмъ изъ уваженія къ нравственному закону. И все-таки мы не сомнѣваемся въ ненарушимости нравственного закона, все таки судимъ всегда о дѣйствіяхъ человѣческихъ потому же масштабу. Даже болѣе того: совершенно невозможно открыть на пути опыта ни одного такого случая, гдѣ бы дѣйствіе совершалось по долгу, только и единственно изъ уваженія передъ закономъ. Правда, иногда при строгомъ самоиспытаніи мы ничего не находимъ въ себѣ такого, что побуждало бы или могло бы побудить насъ къ тому или другому дѣйствію, которое стоило бы намъ великой жертвы, кромѣ уваженія къ закону. Однако-жъ никогда нельзя съ увѣренностію заключать отсюда, что здѣсь не было никакихъ тайныхъ пружинъ самолюбія или какихъ либо другихъ скрытыхъ побужденій. Ибо нравственная цѣна дѣйствій содержится не въ нихъ самихъ и не въ слѣдствіяхъ, могущихъ возникнуть изъ нихъ, но въ самыхъ внутреннихъ побужденіяхъ къ нимъ, которыхъ мы не видимъ. Такъ, чрезъ опытъ всякое понятіе доброй воли опровер-

гается раньше, чѣмъ доказывается, отрицается прежде, чѣмъ утверждается. И дѣйствительно, что могло бы защитить насъ отъ совершеннаго отпаденія отъ нашего понятія о долгѣ и сохранить въ насъ истинное уваженіе къ закону нравственному, какъ не ясное убѣжденіе въ томъ, что еслибъ даже никогда не было дѣйствій, совершавшихся изъ нравственно-чистыхъ основаній, тѣмъ не менѣе разумъ самъ по себѣ, и независимо отъ всякаго опыта, повелѣваетъ, что они должны такъ совершиться. Противъ этого яснаго убѣжденія, противъ такого сужденія здраваго человѣческаго разума поднимается множество склонностей и чувственныхъ потребностей съ своими бурными и притомъ ничтожными притязаніями, требующими удовлетворенія себѣ. Отсюда-то и возникаетъ естественная практическая діалектика, склонность къ умствованію и резонерству противъ строгаго закона долга; склонность сомнѣваться въ значеніи его или, по крайней мѣрѣ, сообразовать его съ своими чувственными потребностями и желаніями. Чтобы выйти изъ этой діалектики и разрѣшить это противорѣчіе, разумъ вынужденъ прибѣгнуть къ философіи, гдѣ находитъ онъ себѣ и убѣжище, и успокоеніе. Говоря опредѣленно: онъ обращается къ «критикѣ практическаго разума». Она должна показать: можетъ ли разумъ быть достаточнымъ опредѣляющимъ основаніемъ воли. Для этого совѣтъ нѣтъ нужды переходить отъ обыкновеннаго нравственнаго обсужденія къ философскому, но достаточно лишь сдѣлать шагъ отъ популярной философіи къ безусловно чистой метафизикѣ, чтобы изслѣдовать и изобразить всю практическую разумную способность отъ ея всеобщихъ опредѣляющихъ правилъ до того пункта, гдѣ возникаетъ изъ ней понятіе долга. Тогда, посредствомъ отвлеченія всего эмпирическаго и разсмотрѣнія по-

нтія разумаго существа вообще, мы достигаемъ наконецъ до чистыхъ законовъ разума.

Каждая вещь въ природѣ дѣйствуетъ по законамъ и только разумное существо имѣетъ способность дѣйствовать по представленію законовъ, т. е. по принципамъ, иными словами, оно имѣетъ волю. Если разумъ опредѣляетъ волю неизбѣжно, то дѣйствія ея, признаваемыя объективно необходимыми, суть вмѣстѣ и субъективно необходимы. Но если разумъ недостаточно опредѣляетъ волю, какъ волю, если она сверхъ того подчиняется еще субъективнымъ условіямъ и не всегда согласуется съ объективными законами чистаго разума, то дѣйствія, признаваемыя объективно необходимыми, суть субъективно случайны и опредѣленіе таковой воли есть принужденіе. Представленіе объективнаго принципа, поскольку онъ имѣетъ принудительную силу для воли, называется повелѣніемъ, и формула велѣнія — императивомъ (выражающимся чрезъ «должно»). Изъ всѣхъ императивовъ только одинъ категорическій изображаетъ дѣйствіе въ себѣ и для себя, какъ необходимое, независимо отъ всякаго ограниченія дѣйствія отънѣ; слѣдовательно, въ немъ только заключается законмѣрность, всеобщность закона вообще. Возможность категорическаго императива обуславливается предположеніемъ нѣчто, чего бытіе въ себѣ имѣетъ абсолютное достоинство и, какъ цѣль сама по себѣ, служить основаніемъ опредѣленныхъ законовъ. Но разумная природа существуетъ какъ цѣль въ себѣ. — Такъ всегда и необходимо представляетъ себѣ человекъ свое собственное бытіе; но такъ представляетъ себѣ свое бытіе и всякое другое разумное существо, и при томъ въ силу того же самаго разумнаго основанія, какое имѣетъ значеніе и для меня. Такимъ образомъ категориче-

скій императивъ является объективнымъ принципомъ, изъ котораго, какъ изъ высшаго практическаго основанія, должны быть выводимы все законы воли. Онъ гласитъ: «поступай такъ, чтобы человѣчество въ твоёмъ лицѣ, равно какъ въ лицѣ всякаго другаго, употреблялось всегда какъ цѣль и никогда какъ средство».

Воля сама себѣ создаетъ законъ и повинуется ему. Разумная воля есть самозаконодательная воля. Самозаконодательство воли есть автономія ея. Категорическій императивъ, какъ объективно-нравственный принципъ, возможенъ только подъ условіемъ автономической воли; по этому гетерономія ея (которая является тогда, когда воля отыскиваетъ законъ себѣ въ свойствахъ объекта) совершенно исключаетъ всякій нравственный принципъ. Поскольку человѣкъ есть цѣль въ себѣ и не подчиняется иному закону, какъ тому, который онъ самъ себѣ создаетъ, онъ имѣетъ достоинство, слѣдовательно, автономія воли служить основаніемъ всякой нравственности и достоинства человѣческой и всякой разумной природы. Всякая нравственность поэтому состоитъ въ томъ, что человѣкъ самъ предписываетъ себѣ законъ и ему одному только повинуется. Понятно, что это возможно только чрезъ свободу воли.

Въ связи съ исполненіемъ нравственнаго закона долженъ быть поставленъ вопросъ: какимъ образомъ воля человѣческая побуждается дѣйствовать сообразно съ этимъ закономъ. — Объективное побужденіе есть представленіе нравственнаго закона, поскольку нравственное достоинство дѣйствій зависитъ отъ непосредственнаго опредѣленія воли этимъ самымъ закономъ. Значитъ, представленіе закона всегда должно быть основаніемъ волеопредѣленія.

Слѣдуетъ только показать: дѣйствуетъ ли и какимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣческую волю представленіе нравственнаго закона, и какъ оно движетъ и побуждаетъ ее.—Если съ точки зрѣнія психологической, всякое представленіе дѣйствуетъ на волю только чрезъ посредство чувствъ, то представленіе нравственнаго закона должно возбудить чувство и чрезъ это чувство—субъективное побужденіе къ хотѣнію и дѣйствию. Это значитъ, что нравственный законъ исключаетъ всѣ чувственныя склонности и наноситъ ущербъ имъ, принижаетъ высокомѣріе и возбуждаетъ чувство неудовольствія, которое можно назвать скорбнымъ чувствомъ. Но эта скорбь и это приниженіе съ чувственной стороны есть въ то-же время возвышеніе нравственной или практической цѣны закона. Насколько законъ, какъ нѣчто положительное само по себѣ, ослабляетъ самолюбіе, — онъ становится предметомъ уваженія; насколько онъ совершенно уничтожаетъ высокомѣріе, — онъ становится предметомъ высочайшаго уваженія. Слѣдовательно, уваженіе къ моральному закону есть несомнѣнное нравственное побужденіе. О немъ нельзя сказать, чтобы оно было чувствомъ удовольствія, но нельзя также назвать его чувствомъ неудовольствія, — оно не есть ни то, ни другое. Нельзя назвать его наслажденіемъ, нельзя также сказать, что оно соединяется съ чувствомъ скорби. Еслибы возможно было хоть разъ устранить высокомѣріе и допустить практическое вліяніе этого уваженія, то нельзя было бы и наглядѣться на торжественное величіе этого закона; и душа стала бы возвышаться въ той мѣрѣ и степени, въ какой видитъ она этотъ священный законъ возвышающимся надъ нею и надъ ея дряхлой природой.—Это уваженіе, которое будитъ въ насъ идею личности, наглядно-изображающую намъ высоту нашей природы, легко и есте-

ственно понятно для всякаго человѣческаго ума. Оно возможно лишь въ конечныхъ существахъ, какъ личностяхъ, поскольку, съ одной стороны, они принадлежатъ къ чувственному міру, а съ другой мыслятъ себя свободными и независимыми отъ механизма всей природы. Неудивительно поэтому, если человѣкъ, какъ принадлежащій къ двумъ мірамъ, долженъ смотрѣть на свое собственное существо въ отношеніи къ своему высшему опредѣленію не иначе, какъ съ уваженіемъ, а на законы его съ величайшимъ благоговѣніемъ.

Нравственною дѣятельностію воли разумныхъ особей предполагается послѣдняя цѣль ея, которая должна быть высшимъ благомъ. Высшее благо первѣе всего есть добродѣтель, т. е. законосообразное настроеніе изъ уваженія къ закону. Но добродѣтель одна не есть еще полное цѣлостное благо. Цѣлостное, законченное благо должно состоять изъ элементовъ добродѣтели и счастья. Счастіе есть состояніе разумнаго существа въ мірѣ, у котораго во всей цѣлости его существованія все совершается согласно желанію и воли его; оно есть удовлетвореніе суммы всѣхъ нашихъ склонностей во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ—въ интенсивномъ, экстензивномъ и протензивномъ. Быть счастливымъ въ этомъ смыслѣ означаетъ необходимую потребность каждаго разумно-конечнаго существа. Эта потребность касается содержанія его способности хотѣнія, т. е. нѣчто такого, что относится къ субъективному чувству удовольствія и неудовольствія,

Добродѣтель дѣлаетъ насъ такимъ образомъ достойными счастья; ибо стремиться къ счастью и быть достойнымъ его, а однако не участвовать въ немъ,—есть прямое противорѣчіе для разума и не можетъ существовать вмѣстѣ съ совершенно доброю волею разумныхъ существъ. Слѣ-

довательно, въ понятіи высшаго блага добродѣтель и счастье мыслятся какъ два необходимо связанные опредѣленія. Связь эта можетъ быть аналитическою въ томъ смыслѣ, что стремленіе быть добродѣтельнымъ и разумное домогательство счастья не суть два различныхъ, но совершенно тождественныя дѣйствія. Но такая связь въ дѣйствительности невозможна, ибо добродѣтель и счастье суть два специфически совершенно различныхъ элемента высшаго блага. Значить, связь эта должна быть синтетическою, т. е. или стремленіе къ счастью есть дѣйствующая причина добродѣтели, или добродѣтель должна быть дѣйствующею пружиной счастья. Первое—безусловно-невозможно, потому что всякая практическая связь причины и дѣйствія въ мірѣ имѣетъ мѣсто не въ нравственныхъ настроеніяхъ воли, но преимущественно въ познаніи природы; слѣдовательно, никакая необходимая и для высшаго блага достаточная связь добродѣтели и счастья въ мірѣ, при самомъ пунктуальномъ исполненіи нравственнаго закона, ожидаема быть не можетъ. Правда, такую систему счастья, пропорціональнаго связаннаго съ нравственностію, возможно мыслить (и даже необходимо) въ нравственномъ мірѣ, потому что свобода (движимая нравственнымъ закономъ и отчасти ограниченная) служить причиною всеобщаго счастья, тѣмъ не менѣе эта система нравственности, долженствующей получить себѣ награду въ счастьи, есть только идея, осуществленіе которой стоитъ подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ,—если каждый дѣлаетъ то, что онъ долженъ дѣлать. Исполненія же этого условія нельзя ожидать ни отъ причинности природы, ни отъ дѣйствій воли разумныхъ существъ. Отсюда, повидимому, должно слѣдовать, что высшее благо — невозможно и что даже нравственный законъ, съ которымъ нераздѣльно связы-

вается понятіе высшаго блага, долженъ оказаться ложнымъ.—Антиномія чистаго практическаго разума разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Положеніе: добродѣтель необходимо производить счастье,—можетъ быть ложнымъ только условно, т. е. если я принимаю бытіе разумныхъ существъ въ чувственномъ мірѣ за единственный способъ ихъ существованія. Но такъ какъ я имѣю право и даже въ нравственномъ законѣ основаніе мыслить себя членомъ міра умопостигаемаго, то и невозможно, чтобы нравственность не имѣла по крайней мѣрѣ посредственной и притомъ необходимой связи съ счастьемъ въ чувственномъ мірѣ. Дѣйствительность такой связи познается посредственно, т. е. чрезъ посредство умопостигаемаго Виновника естественнаго міра.

Что касается теоріи свободы, лежащей въ основѣ всякой нравственной вмѣняемости, то съ точки зрѣнія практической философіи, она не должна состоять въ томъ, что дѣйствіе опредѣляется прошедшимъ состояніемъ, но она есть самопроизвольность, самоопредѣленіе, т. е. такое опредѣленіе, которое коренится въ дѣйствующемъ субъектѣ. Если бы эти опредѣленія заключались внѣ субъекта, лежали бы въ прошедшемъ времени и дѣлали бы дѣйствіе необходимымъ, то въ моментъ своего дѣйствованія субъектъ всегда и необходимо опредѣлялся бы чрезъ нѣчто такое, что не находится больше во власти его; и такая свобода не была бы лучше свободы веретела, которое, разъ будучи пущено, само собою производитъ свои движенія. Свобода есть независимость отъ всего эмпирическаго и отъ природы вообще—внутронней ли-то, или внѣшней; она должна мыслиться какъ трансцендентальная свобода. Ее мы не сознаемъ въ себѣ непосредственно, ибо первое понятіе о ней есть отрицатель-

ное. Не можемъ заключать къ ней и изъ опыта, ибо опытъ даетъ намъ познаніе механизма природы и законовъ явленій ея—прямую противоположность свободѣ. Только нравственный законъ есть единственно то, что мы сознаемъ въ себѣ непосредственно; только онъ одинъ ведетъ прямо къ познанію свободы. Мы допускаемъ идею свободы только вслѣдствіе нравственного закона и потомъ разсматриваемъ ее какъ то, съ чѣмъ дается автономія воли и съ нею нравственный законъ. Здѣсь, повидимому, мы допускаемъ тайный кругъ. Мы полагаемъ въ основу идею свободы только вслѣдствіе нравственного закона, а послѣ опять заключаемъ къ нему изъ свободы, такъ что нельзя какъ будто бы признать его положеніемъ, первоначально-доказуемымъ. — Но уже самый обыкновенный разсудокъ знаетъ, что чувственные представленія даютъ намъ познаніе о предметахъ лишь такъ и постольку, какъ и поскольку эти послѣдніе возбуждаютъ насъ и что всегда остается неизвѣстнымъ,—что они суть сами въ себѣ; самый обыкновенный разсудокъ всегда дѣлаетъ различіе между явленіемъ и вещію въ себѣ, между чувственнымъ и разсудочнымъ мірами. Даже о себѣ самомъ человѣкъ не можетъ утверждать,—чѣмъ онъ есть въ себѣ, ибо онъ не творитъ самъ себя и получаетъ познаніе о себѣ *à posteriori*, т. е. чрезъ собственное внутреннее чувство и тотъ способъ, какимъ возбуждается его сознаніе. Въ основѣ же всѣхъ свойствъ его собственного субъекта, какъ явленій, лежитъ его «Я» которое, какъ чистая дѣятельность, принадлежитъ къ разсудочному міру. Слѣдовательно, разумное существо принадлежитъ не только къ чувственному міру (относительно воспріимчивости ощущеній), но и къ разсудочному и мыслить себя подчиненнымъ законамъ, которые должны быть независимы отъ природы, но должны корениться только

въ разумѣ. Въ этой независимости отъ естественныхъ законовъ и отъ всѣхъ причинъ чувственнаго міра и должна состоять свобода, которую приписываетъ себѣ человѣкъ, какъ умопостигаемое существо. Но какъ чувственное существо, съ другой стороны, поскольку всѣ дѣйствія его суть явленія въ природѣ, онъ подчиняется закону всеобщей естественной необходимости. Естественная необходимость и свобода, какъ два понятія противорѣчаще-противоположныхъ, должны, повидимому, взаимно исключать себя. Но изъ того, что было сказано, — ясно, что они могутъ существовать рядомъ безъ противорѣчія одна другой. Если разсматривать дѣйствующаго субъекта стоящимъ подъ условіями времени, а опредѣляющія основанія его дѣйствій принадлежащими къ прошедшему времени, которое — не въ его власти, то дѣйствія такого существа суть необходимы. Если же разсматривать того же субъекта, какъ вещь въ себѣ (ноуменальное существо), а бытіе его стоящимъ внѣ всякихъ временныхъ условій, то всякое дѣйствіе, равно какъ и всякое опредѣленіе бытія его, какъ чувственного существа, въ сознаніи его умопостигаемаго существованія будетъ только слѣдствіемъ, но не опредѣляющимъ основаніемъ причинности его, какъ ноумена. Въ этомъ отношеніи всякое разумное существо о каждомъ противозаконномъ дѣйствіи, — пусть оно, какъ явленіе, съ неизбѣжною необходимостію опредѣляется въ прошедшемъ времени, — можетъ сказать, что оно могло его и не совершать. Съ этимъ также согласуется приговоръ той удивительной способности въ насъ, которую мы называемъ совѣстію. Человѣкъ можетъ измышлять все, что ему угодно, для того, чтобы свой противозаконный поступокъ представить — то какъ ненамѣренную ошибку, то какъ просто неосторожность, которой избѣжать онъ не могъ и гдѣ онъ увлеченъ